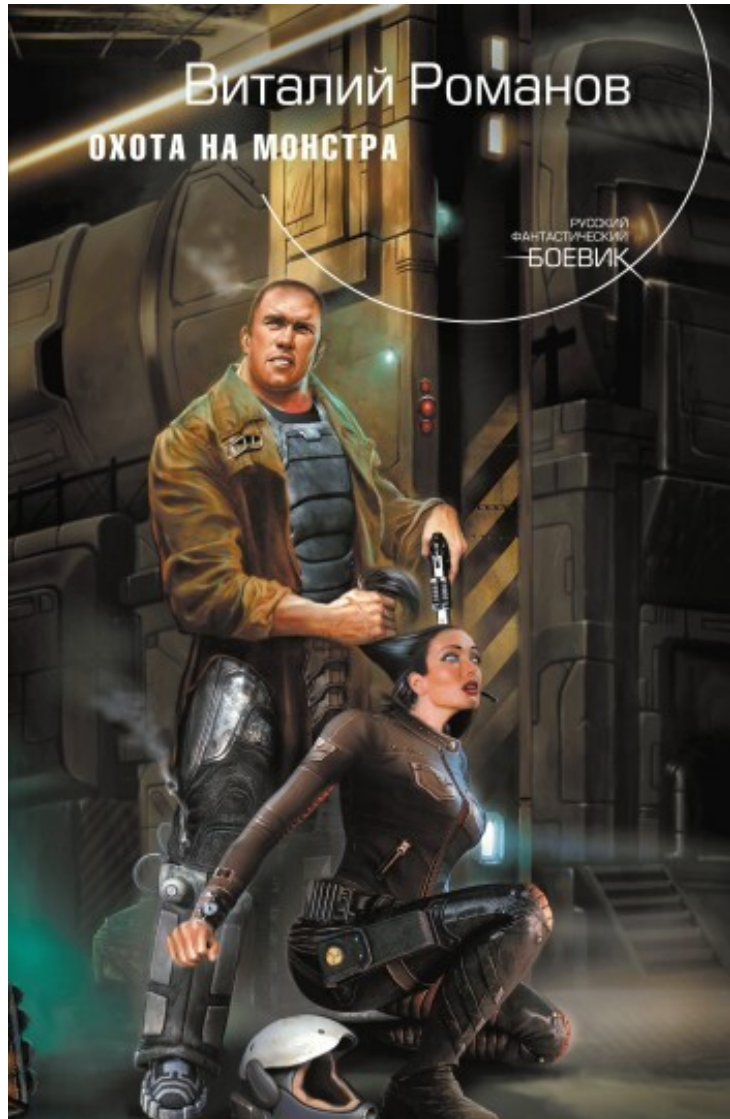

Виталий Романов

ОХОТА НА МОНСТРА

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Виталий Романов

Охота на монстра

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=277972

Охота на монстра: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-39142-4

Аннотация

Попытка гениального физика Марка Айштейна распахнуть дверь в параллельный мир завершилась страшной трагедией. Невидимое и беспощадное нечто жестоко уничтожило весь персонал космической лаборатории. В орбиту невероятных событий, развернувшихся вокруг разгромленной станции и открытого внутри нее портала в неведомое, оказались втянуты десантники галактической безопасности, звездные пираты и простые трудяги межзвездных дорог...

Содержание

17 февраля 2107 года	4
23 июля 2114 года	13
17 февраля 2107 года	24
23 июля 2114 года	34
18 февраля 2107 года	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виталий Романов

Охота на монстра

17 февраля 2107 года

Вспышка. Неожиданная, чудовищная по силе. Юрген не глазами увидел ее – почувствовал затылком, спиной, загривком. Только десяток-другой секунд назад он встал с кресла, двинулся к выходу из центральной рубки «Медузы»... «Сходи, лично проверь, чтобы Сатер дал максимальную мощность на разгонное кольцо! – отрывисто приказал Марк Айштейн. – Мы как никогда близки к успеху!»

«Близки к успеху...»

Шлиман, подчиняясь команде Главного, послушно оставил место наблюдателя.

Самое удивительное в этой вспышке было то, что для глаз ничего не изменилось – так, словно не произошло никакой катастрофы. Зрачки не зафиксировали резкого изменения интенсивности светового потока, но Юрген понимал – это не просто вспышка, это Вспышка! После такой не остается ничего: ни металла, ни людей, ни глупых надежд. Ни настоящего, ни будущего.

Как он это почувствовал? Шлиман не смог бы ответить на вопрос, если б задали, потому что сам не знал – как все по-

лучилось. Просто вдруг нечто нематериальное сильно толкнуло в спину.

А в черепной коробке взорвался клубок прожитых дней – десяток лет сжался в одну секунду, чтобы вдруг превратиться в сверхновую. Юрген покачнулся, металлический пол «Медузы» уплыл из-под ног, а перед глазами понеслись картины прошлого. Такого со Шлиманом никогда в жизни не случилось. Разумом он понимал, что десятая доля секунды неспособна вместить такое количество сцен былого, а даже если б смогла – человеческий мозг ни за что бы не осмыслил, не «переварил» увиденное. Но картины мчались сумасшедшей вереницей, а Вспышка еще только родилась за спиной. Родилась и не успела добраться до Юргена.

...Большой зал заседаний галактического университета экспериментальной физики, и Марк Айштейн на трибуне. В круглых очках, с которыми Марк упрямо не желал расставаться, несмотря на неоднократные предложения «подправить» хрусталики и роговицы глаз с помощью новейших эксимерных лазеров... С легкой презрительной усмешкой, за которую Марка так не любили и коллеги, и профессора еще со студенческих времен. И впрямь, усмешка у Айштейна была такая, словно он постоянно пребывал в уверенности в собственном превосходстве над всеми...

Юрген отлично помнил тот день: и пальцы Марка, нервно бегающие по клавиатуре, и всклокоченные волосы, и полудомашние туфли, в которых подававший большие надежды

физик-аспирант вышел на трибуну. Туфли вызвали нездоровое оживление в зале.

Да, это теперь, спустя десять лет, у Айштейна не всклокоченные волосы – они аккуратно прилизаны, закрывают большую лысину. Однако и круглые старомодные очки, и помятые туфли на ногах – все осталось без изменений.

Словно лишь вчера Марк, красный от гнева, сбегал с трибуны под свист, под улюлюканье маститых коллег и припкнувшей «своры» – Айштейна действительно не любили. За презрительную усмешку. За нотки превосходства в разговорах с коллегами. За талант. За то, что оперировал такими понятиями и выкладками, которые были недоступны большинству людей, собравшихся в конференц-зале университета экспериментальной физики.

Тогда и Марк, и его ближайшие соратники – Януш Боку и Юрген Шлиман – покинули альма-матер. Модель Айштейна подняли на смех. Это было сокрушительное поражение...

А жизнь, вдруг поверившая в то, что не существует ни прошлого, ни будущего, одно лишь настоящее, спрессовала воспоминания Юргена в огромный комок. От этого черепная коробочка «трещала», мозг не выдерживал информационной перегрузки: стремительный поток мчался сквозь голову Шлимана на огромной скорости...

Вот они пьют шампанское, орут что-то нечленораздельное, обнимаются, целуют Монику, по очереди и все вместе. Странно. Память слепила две картины прошлого в единое

целое, а ведь между ними – немалый промежуток времени. Сколько порогов обил физик-неудачник Айштейн, доказывая, что его идеи заслуживают самого пристального внимания? Теперь не вспомнить, но, кажется, ушло года три на то, чтобы пробить необходимые источники финансирования, чтобы федеральные власти всерьез заинтересовались... Именно в те времена появилась Моника, из-за которой Юрген Шлиман и Януш Боку – лучшие друзья со студенческой скамьи – чуть не убили друг друга...

Удивительно, но сам Марк Айштейн, где-то раскопавший очаровательную худенькую блондинку, оставался равнодушен к ней, в то время как его помощники готовы были наброситься друг на друга с кулаками. Марк продолжал работать, совершенствуя математическую модель будущего эксперимента, оттачивая детали, – так, словно ни на секунду не сомневался, что однажды найдет источник финансирования для своего опыта.

И ведь нашел! Нашел... Потому и поливали друг друга шампанским – словно уже победили упрямую материю, прорубили «окно» в другую реальность, в которой действуют иные законы физики...

А потом... Сколько лет напряженной работы было потом? Пять? Или шесть? Вот черт, не сообразить, простые числа теряют смысл, когда события мчатся сквозь мозг с такой чудовищной скоростью... Сколько они потратили на выбор оптимальной точки для эксперимента, на создание «Медузы»?

Вновь пришлось решать совершенно незнакомые проблемы, теперь – связанные со строительством космической станции. По сути, все трое были вынуждены переквалифицироваться в менеджеров, думать не об организации «прокола» существующей Вселенной, а о рациональном использовании выделенных средств, о формировании бюджета, ежеквартальной отчетности. О наборе грамотного персонала, об организации снабжения «Медузы» всем необходимым. Причем самое необходимое – это совсем даже не сверхмощные компьютеры для моделирования будущего эксперимента. Самое необходимое – это установки замкнутого цикла для регенерации кислорода в помещениях, туалетная бумага, запасы питьевой и технической воды. И еда! Черт, еда! Оказывается, не все могут, как Марк, Януш и Юрген, питаться сухарями, не отходя от компьютеров. Оказывается, большинству людей нужны мясо, овощи, витамины. Да еще разнообразная кухня, чтобы прием пищи не превращался «в тупое поглощение белково-углеводной массы», – так, кажется, выразился один из взбунтовавшихся техников.

Слава богу, рядом находилась Моника Траутман. Она взяла на себя большую часть рутинных проблем, освободив и Марка, и его помощников от человеческих глупостей, позволив сосредоточиться на подготовке эксперимента...

Моника! Время шло, ничего не менялось. Она по-прежнему оставалась ассистенткой Марка Айштейна и, кажется, была влюблена в своего босса, но тот не желал ничего видеть,

кроме двери в параллельный мир. А Моника – вот горькая проза жизни – не желала связывать свою жизнь ни с Юргеном, ни с Янушем, хотя оба по-прежнему сходили с ума от хрупкой большеглазой блондинки, готовы были на что угодно ради нее.

В отношениях четырех людей царило какое-то неустойчивое равновесие – на грани эмоционального взрыва, – а время решающего опыта неумолимо приближалось. Айштейн гнул свою линию, «Медуза», возле которой за несколько лет возникло огромное разгонное кольцо электромагнитов, стремилась к тому дню, когда практический эксперимент должен был дать ответ: кто же такой Марк Айштейн? Человек, определивший свое время, или бездарный шарлатан?

Призрачное равновесие в отношениях четырех близких людей царило до последней ночи. Накануне решающего эксперимента, не в силах уснуть, Юрген решил забежать «на огонек» к Янушу. На свою беду, постучавшись в двери чужой квартиры – а «дома» старых друзей были расположены в жилом блоке неподалеку друг от друга, – Шлиман не дождал приглашения, нетерпеливо толкнул створку.

– Януш! – негромко позвал он, проскочил коридор и шагнул в полутемную комнату, освещаемую только крохотным интимным ночником, установленным на полу в дальнем углу.

Однако даже скудного освещения хватило для того, чтоб разглядеть Моника, лежавшую в постели. Она, конечно, по-

пыталась спрятаться под одеяло – лишь бы Юрген не узнал, но тот вдруг «почувствовал» девушку, даже глаза не потребовались. Просто вошел в комнату друга и мигом – каким-то неизвестным науке шестым чувством – понял: в постели у Януша Моника. Именно Моника.

...Точно так же вот сейчас – десятую долю секунды назад – он почувствовал Вспышку за спиной. Вспышку, открывшую Дверь во что-то жуткое, неведомое. Такое, о чем нормальному человеку знать не следует. Ни за что, ни при каких обстоятельствах. Наверное, правы те экстрасенсы и любители оккультных наук, которые утверждают, что человек может и умеет гораздо больше, нежели ученые способны зафиксировать приборами.

По крайней мере, он, Юрген, за последние сутки дважды убедился: внутри человеческого организма есть некая загадочная «антенна» – приемник, улавливающий нематериальные волны. Волны страха. Или радости. Или... ужаса.

Вчера он точно понял, что такое волны страха и вины – когда Моника спряталась под одеяло. Юрген «контрастно» и объемно чувствовал стыд подружки Януша. Стыд? За что? Взрослая женщина, сделавшая выбор... Может, ей просто было страшно одной в последнюю ночь? Имела право? Имела. Но Юрген физически – внутренним «приемником» – распознал ее стыд, вину перед ним. Потому молча шагнул назад, из дома Януша, с горечью осознавая, что друга у него больше нет. И девушки, которую любил, – тоже.

А теперь вот здесь – в центральной командной рубке «Медузы» – Шлиман узнал, что такое волны Ужаса. Дикого. Пещерного. Первобытного. Такого, от которого хочется орать. Убегать куда-то с выпученными глазами, не видя ничего вокруг. Убегать!!! Или сойти с ума от страха – сразу. Лишь бы только не знать, не чувствовать того, что открыла Вспышка за спиной.

Он шагнул к двери, повинувшись команде руководителя эксперимента. Шагнул к двери, протянул руку, даже прикоснулся к кнопке разблокировки прохода... Все трое оставались позади – и Марк Айштейн, и Януш Боку, и Моника Траутман.

Боку, как всегда нервный, резкий, с микрофоном в бескровных пальцах – он держал связь с генераторным отсеком. Вкусно пахнущая Моника, которая в решающий день почему-то нарядилась и надушилась, будто шла на элитную вечеринку. Марк, как обычно, в мятом белом халате, в полудомашних тапочках, в круглых очках с толстой оправой. Лишь теперь Юрген вдруг осознал – четко, за короткий миг, – почему Айштейн носил такие очки. Он мечтал походить на великих физиков прошлого, создававших квантовую механику, общую теорию относительности пространства-времени... Что-то заняло внутри – то ли от жалости к Марку, то ли к ним всем.

Вспышка!!!

Кажется, кто-то захрипел, этого Юрген не успел точно

понять. Звук был сверхкоротким, «импульсным» – как то вихревое магнитное поле, с помощью которого Марк Айштейн взламывал привычное пространство Вселенной, пробирая Дверь в иную реальность.

Хрип?! Марка? Януша? Моники? Кого из них?! Этот вопрос остался без ответа: у Юргена не было времени, чтобы обернуться. Он почувствовал Вспышку кожей спины, хребтом, и тут же захотелось орать от ужаса: что-то чужое, дикое, безжалостное вломилось в их привычную, такую милую и уютную реальность. Существо?! Зверь?! Энергия?! Темные силы Ада?!

И надо было вопить, срывая глотку, нестись прочь, не различая дороги, выпучив глаза, да только сверхмощный поток электромагнитной энергии толкнул Юргена в спину, в затылок, лишая разума. И он, импульсивно ударив ладонью по механизму деблокировки, рухнул на пол.

Дверь. Она действительно существовала – там, на экранах центральной рубки можно было увидеть... Открытая Дверь, сквозь которую в мир людей проникло *Чужое Нечто*. Злое. Беспощадное.

Выли сирены, судорожно мигали аварийные лампы в коридорах, пытались уцелеть маленькие букашки-люди, и только Юрген Шлиман оставался спокоен и тих. Все происходившее ничуть его не заботило.

23 июля 2114 года

– Не приживется он у нас, – вздохнул Франтишек Букач и смачно поскреб пузо пятерней. – Вот увидишь, кэп. У меня нюх на такие дела.

На круглом, добродушном лице Николая Атаманова не появилось и тени недовольства. Капитан «Осла» покосился на боцмана, но промолчал, только усмехнулся в усы. Николай без дополнительных разъяснений понял, что Букач, много лет назад получивший от кого-то из остряков прозвище «Франт», говорит о новом помощнике – Андрее Славцеве. Боцман, обожавший много и хорошо поесть, совсем не походил на франта – не только из-за того, что огромное пузо вылезло бы из любого пиджака, но и из-за мелких «грешков». Например, завалиться на полчаса в кают-компанию, всхрапнуть после обеда.

О ком мог говорить Франт? О Славцеве! О нем, о ком же еще?! Только что, пять минут назад, новый помощник капитана и боцман в очередной раз сцепились из-за какого-то пустяка. Николай даже не смог понять: кто прав, кто виноват? В последние дни создавалось впечатление, что Андрей и Франтишек только ищут повод, чтобы выкопать «топор войны».

– Не приживется... – настойчиво повторил боцман, догадавшись, что кэп не склонен обсуждать кандидатуру своего

помощника. – Зачем ты его взял, без опыта?

– Человек хороший, – этот разговор шел уже не впервые, но Атаманов был терпелив, жизнь научила. Он привык гасить любые волнения в экипаже. Лучше тридцать три раза провести беседу, чем один раз орать и топтать ногами, так считал капитан. – Андрей – бывший офицер федеральной гвардии, сам знаешь. С отличием закончил курсы переподготовки – выучился на пилота. Летная школа дала ему прекрасные характеристики. Волевой, решительный, честный. А опыта наберется...

– Какой-то он слишком прямолинейный. Без хитринки. Без извилин. Все у него по-военному просто, дубово.

Командир «грузовика» не ответил, только снял фуражку, пригладил темные волосы. Боцман перегибал палку и сам должен был почувствовать это.

– Во второй рейс с нами пойдет, а до сих пор никакой «кликухи» не приросло...

– «Кликуха» – это на зоне, – скривился Атаманов.

– Ник, да брось ты! – чуть обиженно заявил Букач. – Ты прекрасно понял, о чем я хотел сказать!

Николай Атаманов и в самом деле отлично понимал, что имеет в виду боцман. У любого из членов экипажа были свои прозвища, прилипшие к ним за годы скитаний среди звезд. Атаманова, например, звали кэпом или Ником, в зависимости от ситуации. А самого Букача – Франтом или папой, опять же по настроению. Боцман и был «папой» экипа-

жа – кроме Атаманова, он дольше всех служил на «Осле». Мог запросто прикрикнуть на любого, хотя летали вместе не первый день: новичков и лодырей здесь не любили, сплавляли быстро, а каждый из удержавшихся отлично знал свое дело и собственные задачи.

Новичков не было, кроме Андрея Славцева. Впрочем, можно ли считать новичком взрослого мужика, тридцати пяти лет от роду, имеющего воинское звание «капитан» и прошедшего страшную войну возле Альфарда?

Конечно, Славцев не был новичком-желторотиком в жизни, но в экипаже появился совсем недавно, прошел с «Ослом» лишь один короткий полет и пока не стал частью корабля – незаменимым элементом, который прочно «прикипел» к своему месту. Таким элементом, что его почти не замечаешь, по привычке, но если вдруг пропадет – тогда конец.

Если бы Алексей Добровольский не ушел на повышение, не принял собственный корабль... Ну, что тут сделаешь, не вечно же хорошему специалисту в помощниках ходить? Капитан Атаманов подписал рекомендательные бумаги, отлично понимая, чем вызвано решение Алексея. Конечно, тому было тяжело покидать родной экипаж – людей, с которыми он прошел и ледяной холод вакуума, и чудовищный жар звездных корон, и всевозможные передряги.

Жизнь есть жизнь, и вот старому, крепко «сбитому» экипажу потребовался новый навигатор, даже не просто навига-

тор, а помощник командира. И тогда – пару недель назад – аккуратный и дисциплинированный, опытный и по-военному подтянутый Андрей Славцев показался Атаманову лучшей кандидатурой из предложенных.

Может, прав Букач? Первый звездный переход остался позади, а Славцев не получил от товарищей никакого неформального прозвища. Даже «помом» его никто не окликал, хотя обычно помощник капитана такой «позывной» получал автоматически, едва оказавшись на борту звездолета. Это такое же негласное правило, как звать командира судна «кэпом».

А вот Андрей своим не стал, нет, пока не стал. И дело не в его жесткости, скорее всего, не в этом. В упрямстве? Николай Атаманов сразу припомнил волевое лицо голубоглазого блондина: когда Славцев был уверен в собственной правоте, оно становилось каменным, «непробиваемым». Подбородок – вперед, пальцы – в кулаки, и никто не мог сдвинуть с места бывшего офицера звездных сил Гидры. Казалось, в такие минуты Славцев «слеп» и «глух» – он переставал понимать и принимать аргументы другой стороны, видел только собственную позицию, и ничего кроме...

Быть может, это «фирменное» качество военных? Точнее, офицеров, прошедших горнило локальных звездных конфликтов? Ведь нельзя сказать, что Славцев трус, лентяй или двуличный лжец. Он честный и... прямой. Упрямый. Упрямый, как... как... осел!

Николай Атаманов невольно усмехнулся.

– Чего ты? – посмотрев на старого приятеля, спросил Франтишек. – Где узрел смешное?

Боцман огляделся по сторонам. Они покинули зону грузовых причалов, оставили за спинами вздыбленные к небу руки кранов, море людских криков-команд – обычную суету, царившую в секторах, где транспортные звездолеты готовились к старту. Николай и Франтишек приближались к офисной зоне космодрома Дениза – к трехэтажному зданию, где в стеклянном кафе первого горизонта их ждала Памела Йоханссон, нуждавшаяся в услугах Атаманова, его команды и его грузового корабля.

– Да так, мелочь, – пряча улыбку в усы, отмахнулся Николай. – Просто вдруг подумалось... какой упрямый наш Андрей Славцев. Упрямый, будто осел.

– Ну да! – мгновенно поддержал боцман. – Что-что, а упрямства и спеси у него – на двоих хватит!

– Насчет спеси – не знаю, – пожал плечами Атаманов. – По-моему, Франт, ты просто не очень хорошо понял его характер. Спеси там нет, Андрей по-другому смотрит на многие вещи... Как и прочие офицеры, прошедшие войну. Упрямство – да. Словно у осла, – повторил Атаманов.

– Словно у осла! – эхом отозвался Букач.

– Ну вот, – снова улыбнулся Николай. – Я и подумал: такому человеку как раз на корабле с подходящим именем служить. На «Осле»! У нас то есть!

Франтишек возмущенно фыркнул, даже чуть замедлил шаги. Он ждал совсем другого вывода.

– Пошли-пошли! – поторопил его командир звездолета. – Нас ждет дама, которая мечтает о транспортировке какого-то груза. Негоже опаздывать, настраивать против себя потенциального клиента.

Но боцман мог думать только о новичке.

– Слышь, Ник, а правда, что он воевал?

– Сам не видел, – отозвался Атаманов, – но если верить документам – воевал. Оснований не верить у меня нет. Личное дело капитана Славцева верифицировано электронными координаторами. Сам понимаешь: если б не проверили все данные, указанные на флешкарте, Галактическая Безопасность не позволила бы Славцеву пойти на курсы пилотов, а нам – принять Андрея на работу.

– Значит, воевал? – не унимался боцман.

– Воевал.

– В созвездии Гидры?

– Да, возле Альфарда, – терпеливо пояснил Атаманов. Волей-неволей, командиру приходилось быть и психологом, и «подушкой безопасности», гасившей колебания внутри коллектива. Николай притормозил, приглядываясь к ярким номерам на стеклянных дверях офисного здания. – Альфард – сердце Гидры. Говорят, там шли самые жаркие бои с повстанцами. Схлестнулись две армии, и мясорубка вышла ужасающая. Именно там войска Галактического Союза

уничтожили основные силы взбунтовавшихся головорезов. Много хороших людей погибло...

– Если он такой герой, – со злостью выпалил Букач, – тогда почему никогда не рассказывает о схватке возле Альфарда?! У меня друзья-военные, дома, на Тиле. Так они чуть что – сразу в кабак... Примут на душу – и как начнут вспоминать, так кровь в жилах стынет от их откровений! А Славцев?! Молчит, ни разу о прошлом не заговорил! Ни разу!!! И пьет мало, в смысле не напивается! Это совсем не похоже на ветерана, а?!

– Вот сам его и спроси: почему он такой? – невесело усмехнулся Николай, толкая нужную стеклянную дверь. – Франтишек, извини, скажу начистоту. Я согласен с тем, что Славцев – человек сложный, немного замкнутый, со своим взглядом на вещи. Упрямый, резкий. Однако, по моей скромной оценке, из него выйдет хороший пилот и отличный помощник командира. Я вижу, каковы его профессиональные навыки. Поверь, это не мальчик после курсантской школы, только-только нацепивший погоны навигатора и возомнивший себя самым главным орлом ГалаСоюза. У Славцева – никакой дури за пультом. Решения принимает мгновенно, причем, что особенно приятно, – правильные решения.

Букач хотел возразить, но командир остановил его взмахом ладони.

– Быть может, он жесток и категоричен, но впервые с того момента, как нас оставил Леша Добровольский, я могу спо-

койно спать между вахтами. Я знаю, что ходовой мостик и центральный пульт находятся в надежных, опытных руках! Короче, Франтишек, хватит воевать со Славцевым! Постарайся сделать первый шаг навстречу, прошу тебя! Ему очень трудно. Мы летаем вместе не первый год, он – новичок. Конечно же, помощник чувствует себя не в своей тарелке: вроде бы начальник для экипажа, но нет авторитета. Вот он и пытается найти место, пытается отстоять его. Может, именно потому ведет себя излишне резко?

– Психолог ты... – недовольно проворчал Букач. – Психолог, мать его... Тебе бы в клинику платную... Реабилитацией инвалидов заниматься...

– А что?! – развеселился Атаманов. – Вот отнимут лицензию навигатора, по возрасту, обязательно последую твоему совету!

– Гы-гы! – передразнил Франтишек, но тут переключился на другое: – Слушай, Ник, так ты о Славцеве почти ничего не знаешь? Только то, что было записано в личном деле?

– Ну... – приподнял бровь капитан, – как не знаю? Я бы не смог взять в экипаж человека, не поговорив с ним лично, не «прощупав». Конечно, до первого рейса мы с ним беседовали. Долго. Только о боевом прошлом Андрей рассказывать не любит. Не знаю почему, наверное, что-то такое там осталось, о чем не хочет вспоминать. Про войну, про Альфард спрашивал – он сразу замыкается. Об остальном беседует охотно, высказывает свою точку зрения...

– Ник, а там, возле Альфарда, у Славцева какое-то прозвище было? – вдруг перебил боцман. – Он, случайно, не говорил?

– Славцев не говорил, но в деле записано, – Атаманов подергал себя за кончик уса. – Не знаю зачем, но записано.

– И какое?! Не тяни! – показалось, Франтишек умрет от любопытства, если не услышит ответ через секунду-другую.

– Везун.

– Везун?! – озадаченно переспросил Букач и посмотрел себе за спину.

Словно где-то там находился Андрей Славцев, его можно было увидеть и проверить: насколько точно прозвище подходит к помощнику капитана.

– Да, Везун. Странно, правда? Только больше меня об этом не спрашивай, сам ничего не выведал. Тогда, во время первого собеседования... Как поинтересовался у Андрея: откуда такое прозвище, он совсем окаменел. Замкнулся, ушел в себя. Долго сидел, смотрел в стол – даже не слышал, о чем говорю. Я по глазам видел – он не здесь, не со мной. Вот тело рядом, на стуле, а мозг, душа – они словно в другом измерении.

Честно скажу: тогда не по себе стало, даже хотел отказаться от идеи пригласить его в экипаж. Но потом начали говорить о другом – о политике, о ценах, о футболе, о школе пилотов, – я почти забыл, как-то «переключился» на другие темы, на профессиональные навыки Славцева. Понял: он нам

подходит. И жизненный опыт хороший, и разные типы кораблей знает, не юнец передо мной. Где бы мы лучше нашли? С другого корабля сняли бы помощника – опытного, с «налетом» рейсов? А чем переманить? Денег пообещать больше, чем у других? Так откуда взять? В общем, говорили-говорили, думал я над всем, как-то даже позабылось это вот... на счет прозвища. Только теперь вспомнил, когда ты спросил. И вновь не по себе стало.

– Так, может... – с надеждой спросил Франтишек, явно намекая на то, что Славцев в экипаже – лишний.

– Все эти «может» – потом! – жестко отрезал командир «Осла». – Боцман! Финиш демократии, закончили этот глупый базар! Кафе перед нами... А-а-а... А вот, за столиком, и сама Памела Йоханссон, сработал идентификатор-маяк на ее коммуникаторе. Да! Это она! Боже, кто бы мог подумать, что наш следующий клиент окажется не просто молодой, но и такой очаровательной дамой?!

Николай Атаманов ускорил шаги, растянул губы в обаятельной улыбке, направляясь к столику, за которым лениво потягивала коктейль длинноволосая брюнетка. У нее были огромные «кошачьи» глаза и очень полные губы. Франтишек Букач, по привычке, хотел поскрести пятерней пузо, да вовремя одумался.

– Здравствуйте, дорогая Памела! – Николай Атаманов склонился в галантном поклоне, «приложился» к длинным пальцам темноокой красавицы. – Никак не предполагал, что

в наших услугах нуждается столь очаровательная дама! Как говорится, для такого клиента мы готовы и в огонь, и в воду.

– В огонь и в воду – не надо! – кокетливо рассмеялась Памела, приподнимая тонкие брови «домиком». – Всего лишь до Нодуса I.

У нее оказался низкий грудной голос.

– Вы позволите присесть? – с улыбкой уточнил командир «Осла». – Благодарю. Госпожа Йоханссон, разрешите представить: мой помощник... боцман нашего транспортного корабля Франтишек Букач.

– Очень приятно, – девушка поклонилась «папе».

Обоих мужчин окутало облако сладкого дурмана. Николай с трудом заставил себя думать о переговорах.

– Итак, сразу к делу? Какой груз необходимо транспортировать? Куда? Мы готовы выслушать предложение...

Капитан «Осла» и боцман уселись за столик, не подозревая, что в эту минуту они перевели стрелку на железнодорожных путях, отправив скоростной поезд – поезд собственной жизни – совсем на другую колею, где часть вагонов просто не могла не полететь под откос.

17 февраля 2107 года

Януш Боку успел разглядеть все. Если бы когда-нибудь потом, в более спокойной обстановке, кто-то задал физику вопрос: как мозг способен действовать с такой невероятной скоростью и не разлететься на куски от дикой перегрузки, Януш затруднился бы ответить.

Впрочем, у Боку не существовало этого мифического будущего, спокойного завтра, в котором некто мог задавать вопросы. Существовало только настоящее. Невероятное. Пугающее. Отрывистое. Распавшееся на сотни осколков, будто стекло, разбитое увесистым камнем.

Кольцо, все началось там. Сатер, главный инженер «Медузы», должен был подать максимальную мощность на разгонное кольцо – Айштейн только что попросил об этом по внутренней связи и даже направил Юргена проверить: все ли генераторы выведены на закритический режим?

Кольцо! В недрах разгонной установки создавалось сверхмощное вихревое поле, посредством которого Марк Айштейн намеревался открыть канал в иное измерение...

Серое безжизненное кольцо электромагнитов вдруг изменило цвет – в тот миг, когда Юрген Шлиман, направлявшийся к Сатеру, готовился «втопить» кнопку деблокировки двери. Кольцо вспыхнуло!!! Жутко, неестественно. Впрочем, о чем-то естественном речи идти не могло: металл индукци-

онных катушек неспособен, не должен светиться ни при каких обстоятельствах.

Тревожно запели внешние счетчики «жесткого» рентгеновского излучения, показывая многократное превышение допустимых пороговых величин в рабочей зоне.

В тот же миг страшно закричала Моника, находившаяся рядом с Янушем – слева, в соседнем кресле. И мозг распался на груды маленьких сверхмощных процессоров, каждый из которых пытался анализировать свою вселенную. Мир стал не чем-то единым, целым, а набором частичек-сегментов.

Моника. Она кричала не из-за вспышки, хотя яркое иссиня-фиолетовое пламя, вставшее неровной дугой над разгонным блоком, резануло по глазам. Светофильтры не успели адаптировать экраны, подстроить их под комфортно-безопасный для человека уровень.

Нет, Моника Траутман кричала не из-за болезненной вспышки. Просто она, женщина, раньше коллег почувствовала Чужое. Нечто рвалось в мир людей из пробитого пространственно-временного континуума – входило, вливалось в человеческую реальность, наполняло «Медузу» каким-то древним, доисторическим ужасом.

Зубы. Острые, безжалостные, окровавленные. Словно у крокодила, резко выбросившегося на жертву из темной глубины реки сквозь мутные потоки ила, воды. И вот уже еда, пока еще живая еда, трепещет в огромной пасти, но все новые и новые убийцы бросаются на агонизирующую добычу.

Рвут на куски, резкими поворотами туловища и головы ломают кости, превращая сопротивляющееся, пытающееся любой ценой выжить существо в кусок мяса.

Зубы, будто у волка, измотавшего жертву, долго боровшуся за жизнь, отдавшую все силы последней схватке. Добычу, знающую, что вот сейчас – через секунду – последует роковой бросок к горлу. Хищник порвет глотку, тогда конец... Но сил, чтобы защититься, уже не осталось...

Нет сил? А если б и были?! Даже когда глубоко под водой на человека нападает акула, имеющая огромное преимущество в скорости движения, в маневренности, – даже тогда у человека есть шансы, пусть он находится в чужой стихии, а хищница – в родной.

А тут – никаких шансов, хотя вроде бы человек находится в родной среде. Но что делать, если чувствуешь себя неуклюжим и неповоротливым – так, будто оказался на глубине, где трудно делать резкие движения, где враг намного превосходит тебя в скорости?

Зубы!!! Януш не видел их, перед глазами было «раскаленное» кольцо мощнейшего электромагнитного ускорителя. Пустое кольцо, но нечто, жившее внутри, в душе физика, подсказывало: проход открыт! Через эту Дверь, созданную гениальным ученым Марком Айштейном, Ужас ворвался в мир людей. Зубастый безжалостный ужас, который невозможно увидеть глазами, только почувствовать на себе: какво это – быть безвольной жертвой...

Аллигатор? Волк? Акула? Тигр? Бойцовый пес, сорвавшийся с цепи?!

Додумать мысль до конца Януш не успел – дико закричала Моника, теперь не от ужаса, от боли. Нечто чужое, прорвавшееся на «Медузу» сквозь защитные экраны, сквозь металлические стены, атаковало людей. Первой умерла Моника – Януш даже сумел почувствовать: почему все произошло так. Будучи женщиной, она воспринимала и переживала события острее, нежели ее спутники-мужчины. Она излучала более сильный запах!!!

Запах добычи, безропотной жертвы, чья участь была predeterminedена еще до начала схватки.

Моника подавилась криком. Самое удивительное, Януш успел разглядеть, что именно с ней произошло. В тот момент отключились электрогенераторы: силовые установки двух основных и резервного контуров вырубались, словно по команде, хотя предусмотренной схемой питания «Медузы» такого произойти не могло.

Однако генераторы «сдохли» все разом, оставив людей наедине с багровым аварийным освещением, затопившим переходы космической станции. Вот в этой мигающей кровавой пене Януш и увидел, как нечто длинное, гибкое – на три четверти прозрачное, почти бестелесное – атаковало Моника Траутман. Кровь хлестанула во все стороны, пугающе-черная в аварийном свете.

Больше всего чужое *Нечто* походило на хищную тварь,

поднявшуюся из глубин океана: оно скользило в воздухе так же легко, как рыба в воде. Это противоречило всем законам физики, но Зубастый Ужас двигался в воздухе, словно хищная акула или мурена в родной стихии. А может, как пиявка, жаждущая крови?!

Монику уже не удалось бы спасти. Несмотря на то что аварийные лампы мигали, станция то и дело погружалась во мрак, Януш отчетливо разглядел: первая из прозрачных гадин вырвала огромный кусок из тела несчастной девушки. Кажется, Траутман громко кричала, звала на помощь, но тревожные сирены заполнили космобазу таким жутким воем, что на фоне их утробного рева вопли первой жертвы не смог бы услышать никто.

Впрочем, Моника мучилась совсем недолго. Второе *Нечто* dokonчило «работу», голова несчастной девушки вдруг исчезла, просто исчезла. На этот раз Януш даже не успел заметить момента атаки, только почувствовал, что надо удирать: безжалостные хищники явно не собирались останавливаться.

Марк Айштейн уже колотил ладонью по деблокиратору переходной створки: в кровавой пене аварийного света было видно, что директор лаборатории разевает в крике рот – то ли молит бога о помощи, то ли костерит непослушную электронную систему. Януш не расслышал, что именно кричал Айштейн, сирены по-прежнему выли, заглушая все, лишая рассудка. В голове отпечаталась картина: мятый белый ха-

лат Айштейна, домашние тапочки на ногах, окровавленная рука, разбитая о бездушный металл, ставший преградой на пути к спасению...

Боку рванулся вперед, к двери, почему-то поверив: выбравшись в коридор, он сумеет уцелеть в этой бойне. Конечно же, он не увидел *Нечто*, догонявшее сзади.

Юрген. Его спас Юрген Шлиман, сам того не зная. Януш споткнулся о тело, лежавшее в двух метрах от дрогнувшей створки переходного отсека. Споткнулся и полетел кувырком через голову, оставив Айштейна выяснять отношения с жестокими убийцами.

Однако директор лаборатории уже нырнул в приоткрывшийся шлюз. Теперь, когда кольцевая магистраль, опоясывавшая станцию, была доступна, рев сирен в центральном блоке стал еще громче. Однако, как понял Боку, Зубастый Ужас гостил и в «трубе» – несколько раз красноватую полутьму прорезали яркие вспышки лазеров. Видимо, пока еще оставшиеся в живых люди пытались уцелеть.

На какое-то время Януш совсем потерял голову от страха, заполз под тело Шлимана, вдруг понадеявшись, что это спасет от расправы. Он закрыл глаза и замер без движения, стараясь ни о чем не думать.

В таком состоянии Боку не мог связно соображать, ему показалось, что прошло очень много времени, прежде чем он высунул нос из-под тела Шлимана. Красное море все накатывало на берега-стены, сирены по-прежнему выли. От

Моники остался кусок ноги и туфля на высоком каблуке. Айштейн куда-то исчез. Януш нервно всхлипнул. Кажется, его оставили в покое? Надо добраться до спасательного катера, любой ценой. Любой ценой...

Физик пополз к переходному шлюзу, прикрываясь телом Шлимана, будто щитом. Двигаться так было очень трудно, Юрген оказался довольно тяжелой ношей, но страх и желание спастись придали сил Янушу. Боку выглянул в коридор. Вспышка лазера где-то вдали. Кровавая пена болота, засосавшего людей. Ни крика ужаса, ни зова о помощи – вот и хорошо. Никого не слышать, ничего не знать. Теперь каждый сам за себя. Сам за себя! И не надо ни человеческой речи, ни встреч с другим «мясом». Прав тот, кто выживет. Когда хищники атакуют – стадо разбегается. В зубах остаются самые слабые. Никто из животных даже не помышляет о том, чтобы остановиться и помочь жертве, затрепетавшей в пасти удачливого охотника. Сам уцелел – вот и хорошо. Вот и правильно...

Он выбрался в коридор, стараясь ни о чем не думать, впрочем, это было нетрудно. Мозг отключился, теперь Боку были доступны только самые простые «мыслефункции», наверное, такие же, какие присущи обычному дождевому червяку.

Ползти. Ползти. Преграда. Свернуть. Ползти. Не туда. Поворот. Ползти. Ползти. Больно. В ногу. Не думать. Забыть. Ползти. Ползти. Лучи справа. Опасность. Влево. Обойти.

Кругом. Ползти. Ползти. Не думать. Преграда. Открыть...

Именно в тот момент, возле палубы вспомогательных катеров, физик перестал быть дождевым червяком. Требовалось ввести код доступа, а на это способно только разумное существо.

Быстро оглядевшись, Януш вскочил на ноги, с животным воем «простучал» скрюченными судорогой пальцами по кнопкам, а тело покрылось холодным потом. Теперь, когда на плечах, на спине не было защитной «брони» в виде Юргена Шлимана, Боку чувствовал себя нагим, беззащитным, уязвимым.

– Ну!!! Скорее!!! – истерично выкрикнул он, равнодушная створка ползла слишком медленно.

Януш снова взвалил на плечи Шлимана, скорее «на автомате», уже по привычке. Шатаясь и задыхаясь от ужаса, бросился к ближайшему катеру.

Пролезть в узкий люк вдвоем было невозможно. Проверив это, Януш пробрался внутрь сам, а Шлимана бросил в шлюзовом проходе, будто пробку, заткнувшую узкое горлышко. Все же беглец надеялся, что таким образом хоть ненадолго задержит хищников, если те ворвутся на стартовую палубу.

Хоть ненадолго – пока им придется расправляться со Шлиманом, – а больше и не требуется. Много ли надо, чтобы прыгнуть в кресло пилота и дать деру с «Медузы»?! Януш заблокировал компьютерную программу, разом отме-

нив все предполетные тесты – не до этих глупостей. Он принял управление на себя, именно в тот миг Юрген вдруг зашевелился, и от этого волосы Януша встали дыбом. Шлиман был без сознания, но двигался вперед, от входного люка внутрь салона!!!

Януш чуть не сошел с ума от страха, завопил не своим голосом, но оказалось – Шлимана толкал вперед не кто иной, как Марк Айштейн. Видимо, директору лаборатории пришла в голову та же мысль, что и его ближайшему помощнику: единственный способ уцелеть – как можно быстрее вырваться с «Медузы». Каким-то чудом Марк добрался до стартовой палубы, а увидев катер с открытым люком, все понял и, не теряя времени, бросился к нему.

– Стартуй! – дико выкрикнул Айштейн, хотя кто-то еще из уцелевших беглецов уже ворвался на палубу и устремился к транспортному катеру, отчаянно подавая знаки рукой.

Януш Боку видел человека на вспомогательном обзорном мониторе, хотя при таком свете не мог определить, кто именно торопится к спасительному люку.

– Стартуй!!! – взвизгнул Айштейн, сам рванулся вперед, дернул рычаг блокировки гермошлюза.

Отчаянный крик и хруст костей – они оба услышали это. Януш нервно оглянулся – тяжелая бронекрышка-гильотина завершила работу, лишив кого-то из их товарищей надежды на спасение: внутри переходного отсека катера осталась только рука, отрубленная по локоть...

– Стартуй! Ну!!! – в третий раз выкрикнул Айштейн и сам, из-за спины Боку, ударил по клавише автоматического запуска.

Подчиняясь команде человека, маленькое суденышко дернулось вперед, струями плазмы сжигая того, кто еще катался по полу отсека с отрубленной рукой. Айштейн и Боку повалились в кресла – старт в аварийном режиме, на непрогретых двигателях, получился чрезмерно резким.

Каким-то чудом автоматика аварийной базы сумела распознать малый кораблик, шедший прямо на внешнюю гермостворку. «Высосав» последние крохи электроэнергии из разряженных во время эксперимента батарей, моторы потянули бронированную преграду на себя, открыли путь катеру.

На лобовых экранах суденышка появилось звездное небо.
– Вырвались!!! – облегченно выдохнул Айштейн. И вдруг завопил, истошно, пронзительно. – Вырвались! Мы вырвались, Януш!!!

И осекся. *Ужас*. Он накатил упругой волной. Захлестнул, не оставив ни рассудка, ни разума, ни крупинки веры в то, что бывают страшные сказки со счастливым концом. Чужое зубастое Нечто – то ли исполинская пиявка, то ли мурена, чувствовавшая себя в воздухе как рыба в воде, – готовилось атаковать. Януш уловил это, и волна ужаса захлестнула его.

Это было последнее, что Януш успел почувствовать в жизни.

23 июля 2114 года

– Метафрอปизол... – Франтишек Букач задумчиво почесал пузо, в сомнениях посмотрел на командира «Осла». – Не нравится мне это, Ник!

Покинув кафе космопорта, старые приятели неторопливо брели по огромному стартовому полю, стараясь держаться подальше от суматошных каров, мельтешивших вокруг какого-то транспортника, готовившегося к отправлению в рейс.

На Денизе было спокойно и хорошо. Атмосфера здесь оказалась «дружественной» – почти такой же, как на родной планете возле Тиля, дышалось легко, недостатка в кислороде не наблюдалось. Тем более что на Крее сейчас царила зима – суровое время года, когда температура падала так низко, что жизнь на улицах городов почти замирала. Люди терпеливо переживали короткий, но очень трудный период в укрытиях – в домах, в офисах, выбираясь наружу только в случае экстренной необходимости, чтоб добежать до мобиля или подзарядки, юркнуть в теплое нутро исполинского лабиринта. А на Денизе стояло лето, и потому лениво тащиться по ровным полибетонным плитам космодрома было очень приятно. Хотелось так идти, идти, ни о чем не думая. И даже привычный «дом» – каюты на борту «Осла» – уже не казался таким притягательным и родным, как раньше.

– Не нравится...

– Что именно? – в черных глазах Атаманова не появилось и тени тревоги, круглое лицо осталось спокойным.

– Не нравится, что повезем лекарство, которое, по большому счету, и не лекарство вовсе. Наркотик... – Букач приостановился, с опаской посмотрел себе за спину, сквозь прозрачные стены офисного здания космопорта.

Там, в кафе, по-прежнему сидела Памела Йоханссон. Длинноволосая красотка спокойно потягивала коктейль из бокала. После того как беседа с представителями экипажа «Осла» закончилась, Памела не поднялась с высокой табуретки, не поспешила куда-либо. И к даме никто не приблизился, она все так же пребывала в одиночестве, как до беседы с кэпом транспортного корабля. Только один раз позволила по коммуникатору. А в душе у Франтишека Букача поселилась неясная тревога.

– Многие обезболивающие или снотворные вещества – тот же наркотик, – Атаманов улыбнулся и подмигнул спутнику. – Я уж не говорю о транквилизаторах, антидепрессантах или еще какой-нибудь подобной ерунде. Не дрейфь, боцман! Если так подходить к вопросу, вообще никогда не следует браться за транспортировку медицинских грузов!

– Ну не похожа она на медика! – выпалил Франтишек, еще раз «зыркнув» на Памелу, которая сидела за стеклянной перегородкой, не глядя в сторону людей, которых только что «подписала» на транспортировку груза. – Не похо-

жа, Ник, вот зуб даю! Ты посмотри на нее! Это фотомодель какая-то! Подружка Большого Кошелька, но никак не сотрудница частной клиники или транспортной компании! Посмотри на ее «прикид», на косметику, макияж! На ее ногти и кожу! А запах духов?! Знаешь, сколько такие стоят?

– Неа, – добродушно улыбнулся капитан «Осла». – Я плохо разбираюсь во всех этих премудростях женской войны за красоту. Моя Алена-то предпочитает простую и естественную косметику... Ну в смысле, натуральные вещества, без полисинтетических новинок.

– А вот я тебе скажу! – разозлился Букач. – Ты не знаешь, а я слышал от подружки, что в парфюмерной лавке работает! Флакон таких духов – а это был «Кристалл Вечности», их аромат ни с чем не спутаешь – стоит почти столько же, сколько мы получаем за стандартный рейс от Тиля до Арракиса! Разумеется, по официальному прайс-листу – по расценкам Галактического Союза, без премиальных и откатов!

– Неужели?! – удивился Атаманов и подергал себя за кончик усов. – Так много?! Даже по федеральным расценкам, которые значительно ниже коммерческих, это весьма приличные деньги...

– А вот я о том и толкую! – надавил Франтишек. – Сам прикинь, эта Памела запросто поливает себя «Кристаллом Вечности», новейшими полисинтетическими духами, а выдает себя за менеджера, мелкого клерка! И груз у нее – наркотики!

– Не наркотики, а лекарство, – терпеливо напомнил Николай Атаманов. – Боцман, у госпожи Йоханссон все документы в порядке. Это лекарство! Она везет запас метафропизола для клиники Нодуса I. Между прочим, широко известной в нашем созвездии, весьма уважаемой клиники! Конечно, при сильной концентрации метафропизол может быть использован как наркотик, но у Памелы все документы в порядке! Разрешение на транспортировку груза, лицензия на перевозку опасных медицинских веществ, нотариальная доверенность от компании, заказавшей товар... Не забывай, девчонка предъявила мне все: даже договора, по которым был закуплен метафропизол! Даже банковские «корешки» чеков оплаты! И я проверил подлинность документов с помощью своего личного коммуникатора, связавшись с центральным информаторием Дениза!

– КЭп, а может, пошлем ее к черту вместе с этим ненормальным грузом? – вдруг спросил Франтишек. – Может, ну ее к черту? Махнем домой так?

– Как «так»? – не понял Атаманов.

– Ну, порожняком... Без груза.

Командир «Осла» даже остановился, изучающе воззрившись на старого приятеля.

– Ты чего? – не понял Букач.

– Гляжу... – в сердцах, сквозь зубы, выдавил Атаманов. Он не любил конфликты внутри экипажа, сам редко повышал голос на товарищей, на многие кризисные ситуации

смотрел с юмором, к людям относился добродушно. Но сейчас не выдержал. – Гляжу и не понимаю, чего во мне больше: удивления или злости?

– Ну не похожа она на медика!!! – в третий раз, чуть ли не умоляюще, протянул Франтишек. – Ник, почему ты меня не слышишь?!

– Слышу! – отрезал капитан. – Только не понимаю: откуда в тебе это взялось в последнее время?! Помощник командира для тебя плохой! Клиент – плохой! Груз – плохой! Все не так! Букач! Может, дело не в том, что ты там чувствуешь? Может, проблема в тебе самом? В голове? Между прочим, ты меня тоже не слышишь! Я говорю: у девчонки все документы в полном порядке! У нее даже груз застрахован! Страховка от вчерашнего дня сделана прямо здесь, на Денизе! Даже об этом Йоханссон позаботилась, лишь бы только доставить груз в целости к месту назначения! А нам что? Нам разве трудно?! Она ж не к Полярной Звезде просит везти метафроппизол! Между прочим, если не знаешь, Нодус I – это Дельта Дракона! Дельта Дракона, понимаешь, Франт?!

– Понимаю, – буркнул боцман и хотел еще что-то добавить, но Николай Атаманов не позволил, продолжил монолог:

– Звезда, которая расположена в трех шагах от нашего дома! В нашей же системе! Это большая удача, между прочим! Мы разгрузились на Денизе, как раз искали что-то подходящее, и я даже не мечтал о том, что обратный коммерческий

рейс будет прямо в созвездие Дракона! Думал: повезет, если подцепим хоть кого-то с нашего направления. А тут – такая удача! Нодус I!

– Удача... – скептически усмехнулся Букач.

– Боцман! – резко проронил командир «Осла», но справился с нервами, положил руку на плечо Франтишека. – Все, закончили глупый спор. Мы возем контейнеры с метафрппизолом до Нодуса I. Это не обсуждается. Тем более что предварительный договор с Памелой Йоханссон уже подписан, а я не привык брать слова назад. Это слишком сильно ударит по нашей репутации.

– А...

– А во-вторых, представь, только на миг представь, что мы отказались от выгодного контракта... Вот прямо сейчас я должен вернуться на борт судна и объявить экипажу, что не будет ни гонорара, ни премиальных. Ни сейчас, ни у Тиля! Приближается время уплаты годовых налогов, не забыл? С нас сдерут три шкуры: за прибыль, за коммерческий корабль, штрафы какие-нибудь придумают, за неправильное составление баланса... Ничего у нас в кармане не будет, пока не вернемся домой, не найдем другой выгодный коммерческий контракт, пока не выполним еще один рейс.

– Но...

– Но у некоторых членов экипажа есть семьи, дети, – жестко надавил Атаманов. – Это ты, Франт, один-одинешенек, словно кактус в пустыне. Лишь подружки меняются. А кое-

кому мальцов кормить, деньги нужны. И наличные в кармане никогда не бывают лишними!

– Ладно, – миролюбиво согласился Франтишек, вновь поскреб пятерней пузо и покосился назад, на далекое уже офисное здание. – Ладно, уговорил! Деньги не бывают лишними... Даже для одиноких кактусов...

– Тем более что госпожа Йоханссон намерена лично приглядывать за своим грузом, – напомнил Атаманов. – Не забывай, Франтишек, она полетит с нами до Нодуса.

– А вот это мне совсем не нравится, – вновь завел старую песню Букач. – Ник, ей обязательно с нами в рейс?! Женщина на борту – это к несчастью!

– Славцев на борту – к несчастью! – не выдержав, заулыбался Николай. Его широкое лицо стало совсем круглым, расплылось. – Метафроппизол – к несчастью! Женщина на борту – тоже к несчастью! Боцман! Не иначе, у тебя депрессия, обостренное чувство страха. Тебя самого надо лечить метафроппизолом! Засунуть башкой в мешок с этой гадостью и не выпускать оттуда, пока не начнешь любить весь мир! Ну ничего, попробуем это проделать во время рейса!

– Гы-гы! – угрюмо окрысился Франтишек. – Слишком просто ты смотришь на вещи, Ник! Ладно! Я сказал то, что хотел. Желавший меня услышать – мог это сделать. А теперь пусть будет так, как прикажешь. Ты – командир. Боцман обязан подчиняться капитану судна. Я – с тобой!

– Вот это другой разговор! – Николай крепко пожал руку

старому приятелю, затем, не удержавшись, потрепал Букача по плечу. – Рад, что мы не разругались вдрызг. Мне бы очень не хотелось этого, Франт!

– И мне. Ладно, проехали тему. Только, кэп, помни мои слова. Пожалуйста! Будь осторожен с дамочкой, держись на чеку. И вообще... нам всем надо быть повнимательнее с этой роковой красоткой.

– Может, все дело в том, что ты на нее запал, да только улов не по размеру крючка? – хитро подмигнув, спросил Атаманов.

– Неа, – сразу же отверг такую идею Букач. – Не в моем вкусе девчонка.

– Тогда, предполагаю, суть как раз в том, что Йоханссон не в твоём вкусе, – сделал вывод капитан «Осла». – А была б в твоём, с радостью повез бы и метафрппизол, и партию армейских станеров, и фекалии в горшочках – лишь бы дама находилась рядом с тобой.

– Не знаю! – по лицу Букача было понятно, что ему неприятна тема Памелы Йоханссон, но ссориться с командиром боцман не хотел. – Проехали! Что сделано, то сделано. Ты прав – договор заключен, пусть и без полного юридического оформления. Но в нашем бизнесе слово дорогого стоит. Когда ставим корабль на погрузку?

– Йоханссон говорила, что, раз все формальные проблемы улажены, препятствий нет, она не станет задерживать нас на Денизе. Машины с грузом будут возле «Осла» где-то через

час-полтора. И она с документами – тоже.

Франтишек посмотрел на часы, прикидывая: сколько времени прошло с тех пор, как приятели покинули кафе.

– Так чего ж мы плетемся, словно беременные черепахи?! – воскликнул он. – Скорее! Еще немного – и груз окажется у трапа раньше, чем мы!

Атаманов и Букач тут же ускорились, забыв и о лете, и о приятной прогулке. Теперь они стремились как можно быстрее добраться до своего корабля.

– Говоришь, деньги нужны? – чуть задыхаясь и вытирая пот, выступивший на лбу, прохрипел Букач. – А что, как твой-то младший? В школу идет?

– Ага, – несмотря на то, что у Николая не было такого объемного живота, высокий темп движения и его заставлял экономить дыхалку. – Вот, полгода от детства осталось... весна... лето... а с осени – на работу! В первый класс!

– И то верно, – шумно выдохнул Букач, завидев родной корабль, возле которого пока не наблюдалось ни грузовиков с метафрอปизолом, ни чиновников таможенного контроля. – Пусть смена растет! Мы на пенсию, они – работать!

– Пенсию... – усмехнулся командир «Осла», снижая темп и дергая спутника за руку, чтоб и он не семенил так быстро. – Пенсия, брат, еще не скоро. А вот метафрอปизол – на носу!

Откуда-то издали донеслось и стало нарастать басовитое гудение электромоторов, несколько раз прокудахтал клаксон мобилы.

– Чую, по нашу душу, – вытирая пот со лба, сказал боцман. – Вовремя поспели...

Из-за длинного пакгауза выбрался грузовик, за ним еще. А из переходного люка, завидев командира, высунулся Андрей Славцев.

– Андрей! – громко крикнул командир «Осла». – Давай сюда!!!

Помощник капитана кивнул и побежал вниз по трапу.

– Ты будешь руководить размещением контейнеров на грузовой палубе, – сказал Атаманов боцману, пока Славцев приближался. – Его поставлю здесь, снаружи. Пусть управляет действиями рабочих возле машин и подъемника. Так сказать, разведу вас подальше друг от друга. Не хватало еще, чтоб разругались прямо в присутствии клиента.

– Обижаешь... – только и успел ответить Франтишек.

С одной стороны к ним приближался помощник капитана, а с другой – выбравшаяся из кабины первого грузовика Йоханссон.

– Уважаемая Памела! – обратился к ней Атаманов. – Разрешите представить... Это помощник командира судна Андрей Славцев. Андрей, это наш клиент, госпожа Памела Йоханссон!

Славцев резко повернулся в сторону дамы, изображая приветливую улыбку. Приподнял руку, видимо, готовясь легонько встряхнуть пальцы молодой брюнетки. И вдруг его лицо изменилось, стало совсем другим – темным, неживым.

На губах по-прежнему была улыбка, но она словно окаменела, вместе с глазами Андрея. Это заметили и Николай Атаманов, и Франтишек Букач, хотя боцман уже собирался шагнуть к трапу, чтоб подняться наверх, на грузовую палубу.

– Кристина?! – невольно выдохнул Славцев.

– Что? – не поняла красавица-брюнетка.

Она смотрела на помощника капитана удивленно, немного настороженно. Было заметно: девушка совершенно не понимает, что происходит с мужчиной, который находится в двух шагах от нее.

– Простите, госпожа Йоханссон, – Андрей Славцев «отмер», словно некий маг, невидимый, но всемогущий, дал ему приказ ожить. – Простите... Вы мне напомнили одну старую знакомую... Это ничего... Это... личное... Простите. Рад приветствовать вас! Так сказать, в вашем распоряжении...

Но руку девушке он так и не подал – это отметили и Атаманов, и Букач. Сначала намеревался поздороваться с ней, а потом, странно посмотрев в лицо гостье, передумал.

Атаманов и Букач переглянулись, при этом боцман скривился, всем видом напоминая командиру: «Я же предупреждал! Тут что-то нечисто!» Но Франт ничего не сказал. Шумно пыхтя, полез наверх по трапу, не пожелав воспользоваться подъемником, которым должен был управлять Славцев.

18 февраля 2107 года

К аварийной «Медузе» подходили три патрульно-спасательных катера с разных сторон, взяв космическую станцию в «кокон», но стараясь при этом не упускать друг друга из вида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.